

Это было весной, и любви часовой
Шел Москвой в цветочном кашне.
Шла судьба за спиной и как раз на него
От щедрот примеряла шинель.
И судьба говорила: запомни цепь дат,
Ты отсюда скоро уйдешь.
А любовь продолжала: какой ты солдат?
У тебя за душой дождь.
Он, притихнув, сказал: да.
И мотнул головой: ложь.

ФРОНТОВИК

В пальтишко облачиться
На выход помогли.
Он вышел из больницы
На краешек земли.

Домой не позвонивши,
Мол, лишние труды,
Неспешно шел и вышел
На Чистые Пруды,

Где щебетали птички.
Явился в коридор
Такой же фантастичный,
Как, скажем, Командор.

И тоже строгих правил,
Но только не погиб,

По-свойски переставил
Ботинки, сапоги.

Усталый, серолицый,
Дождавшийся весны,
Он вышел из больницы,
Как вышел из войны.

* * *

До войны они «жили в Орехово-Зуево», —
Он рассказывал с грустью, легко образуемой
Умноженьем войны на прожитые годы, —
Результат выводил из кольца несвободы.

Было много историй, но только два случая —
Как тонул и как мерин понес — были лучшими.
Как-то раз с пацанами купались на Клязьме.
Посчитались, кому за мережею слазить,

Что застряла на дне глубоко, за корягами.
Нужно было нырять — дети мучились страхами,
И кому выпал жребий, тот, кажется, струсил,
И тогда он сказал, что распутает узел.

И по мере рассказа все так представляется:
Он с добычей от дна оттолкнуться пытается,
Опускаясь ногой в толщу зыбкого ила,
Где древесные нагроможденья копились.

Ощувив невозможность движенья к поверхности,
С защемленной ногой он, в отчаянье, вертится.
И, бросая добычу, последним мгновеньем
Он выводит ступню под углом из суженья...
И в таких переделках, он так разумеет,
Выживает лишь тот, кто мгновенно взрослеет.

Кожа — космос

Все хотел бы вобрать оттуда,
где едины разбег и отбег.
Если есть подтвержденье чуду,
я хотел бы, чтоб некий отблеск
из души твоей ввысь поднялся
в отворенную бездну-космос,
расцветил бы зеленым яшень,
разукрасил янтарно сосны.

А в ответ, если б свет похожий,
я сказал бы, довольный очень:
«это космос лежит на коже
россыпью карих точек».

* * *

Возле серо-сырого простенка
В облетевший октябрь, пред зимой,
Ты напомнила мне аистенка,
Зимовавшего здесь, со мной.
Ты проводишь по желтой скамейке
Старым синим своим пальтецом,
И туманного холода змейка
Обвеваet твоe лицо.
Ты близка и уже беззащитна,
Мне надежды свои вверя,
Говоришь торопливо и слитно:
Никому не отдай меня.
И танцуя смешным негритенком,
Принимаешь ты первый снег,
И ледок оболочкою тонкой
Тихой грустью сквозит из-под век.
Что ж душа как пустая картонка,
Чем измерить пройденный путь?
Ты стоишь без любви, без ребенка,
И не знаешь, куда шагнуть.